

ЛУЧШЕЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Люку и Кристине

Мы здесь для того,
чтобы очнуться от иллюзии
нашей разобщенности.

Тхитъ Няп Хань

Мартен

Лос-Анджелес,
2010

I

Стоило о нем подумать, и становилось легче. Они верили, что он все может, что он их защищает.

Он молча выслушивал их беды.

Делал свою работу, пока они спали. В это время он мог поразмыслить о жизни и обычно напоминал ребенка, застывшего на берегу и замороженного морем. Он всегда поднимался с рассветом, набирал ведро горячей воды и шуршал шваброй по коридорам, оставляя терпкий аромат хвойного моющего средства. Там, где он брался за ручку ведра, у него остались мозоли. Ведро синее, его тяжело поднимать, если полное. Вода быстро делалась грязной, но его это не раздражало. Закончив, он прислонял швабру к стене и шел в сад.

Иногда ездил на пирс в Санта-Монике. Всегда в одиночестве.

Когда-то давно он сделал там женщине предложение.

Саймон Ван Бой

Стоял туман, потому что было раннее утро, и жизнь вокруг них складывалась как мозаика. Они слышали, как бьются о пирс волны, но ничего не видели.

В те дни Мартен был пекарем в Café Parisienne. Носил усы и вставал очень рано. Она была актрисой. Как-то утром зашла выпить кофе, да так и не смогла уйти насовсем.

Ей бы понравилось в пансионе «Старлайт». Многие его обитатели работали раньше в кино, а теперь выходят к завтраку в халатах с собственными инициалами на кармане. Они его зовут мсье Мартен, из-за французского акцента. После обеда они расслаживаются вокруг рояля и пускаются в воспоминания. Знакомые у них были общие, а истории у всех разные. Частота, с которой кого-то навещают, служит мериллом статуса.

Мартена самого часто принимают за постояльца.

Было бы легче, если бы все точно знали, сколько ему лет, но обстоятельства его рождения окутаны тайной.

Он вырос в Париже. У его родителей была пекарня, жили они над ней, занимали три комнаты.

Когда Мартен дорос до школы, родители усадили его за кухонный стол со стаканом молока и рассказали, как им отдали младенца.

— Это было летом, — сказала мать. — Шла война. Я даже не помню, как тот человек выглядел, но у меня

на руках вдруг оказался ребенок. Все случилось так быстро.

Мартену понравилась история, он захотел узнать больше.

— Она принесла ребенка ко мне в пекарню, чтобы покормить, — сказал отец.

— Так все и было, — добавила мать. — Так мы познакомились.

Стоя у темного окна, отец признался отражению сына, что они несколько лет ждали, прежде чем предпринять какие-то официальные шаги.

От слез матери на скатерти оставались кружочки. Мартен посмотрел на ее руки. Ногти у нее были гладкие, с выступающими лунками. Она погладила его по щеке, и он покраснел. Представил себе грубые руки незнакомца и ощутил у себя на руках вес младенца.

Когда он спросил, что дальше было с ребенком, им пришлось говорить прямо. Мартен смотрел в молоко, пока не расплакался. Мать встала из-за стола и вернулась с бутылкой шоколадного сиропа. Налила немножко в его стакан и размешала длинной ложкой.

— Наша любовь к тебе, — сказала она, — всегда будет сильнее любой правды.

Несколько дней ему было позволено спать в их постели, но потом он заскучал по своим игрушкам и по привычным занятиям, которые делали его самим собой.

Саймон Ван Бой

Вскоре родилась его сестра, Иветт.

Когда Иветт исполнилось шесть, а Мартен был подростком, родители закрыли пекарню, и они переехали из Парижа в Калифорнию.

Мартен так и не понял, почему они так долго не подавали бумаги на усыновление. Позже, когда он поступил в небольшой колледж в Чикаго и курил, лежа в постели с подругой, завеса была сброшена.

Шел снег. Они заказали китайской еды. По телевизору должен был начаться хороший фильм. Когда Мартен потянулся за пепельницей, простыня соскользнула с его тела. У него были такие мускулистые ноги. Девушка прижалась к ним щекой. Он рассказывал ей о школе в Западном Голливуде, о самом начале своего пути. Она слушала, а потом созналась, что удивлена, почему Мартен, в отличие от других мужчин из Европы, обрезан.

Он перестал посещать занятия.

Читал, пока все не расплывалось у него перед глазами.

Он стоял снаружи, когда открывалась библиотека, работал до закрытия. Когда директор узнала, чем он занимается, отвела ему место в служебном помещении. Он запрашивал книги, названия которых никто не мог произнести. Каждая фотография была зеркалом.

Семестр подошел к концу, и он поехал домой в Лос-Анджелес.

Родители понимали, что он в конце концов обо всем узнает, но не смогли рассказать ему ничего нового. Его детская одежда была слишком испачкана, чтобы ее хранить.

Мартен ходил с сестрой на пляж, смотрел, как она плавает. Сидел на лестнице и слушал, как его семья смотрит телевизор. Рассекал на машине по трассе среди ночи. Работал в семейном кафе. Они торговали круассанами и фруктовыми пирогами в коробках, перевязанных сине-белой бечевкой.

Однажды днем, развезя доставку, Мартен вернулся и обнаружил, что дверь в магазин заперта, а шторы опущены. Войдя через черный ход, он с удивлением увидел, что в кухне темно. Когда он подошел к прилавку, зажегся свет, и люди, заполнявшие комнату, закричали: «Сюрприз!»

Все нарядились, к стульям были привязаны воздушные шарик. Мартена целовали в щеки и в лоб. Собрались многие покупатели, которых он знал годами, на некоторых мужчинах были кипы. Заиграла музыка, все захлопали.

Мартен растерялся.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Что-то случилось?